

Госпожа Янь вдруг вскочила, словно её ударило током, и широко раскрытыми глазами смотрела на Гу Шэн:

— Что с тобой сегодня? Как аристократка может советовать родителям разорвать отношения? Твой отец, каким бы он ни был, всё же виконт, и если его разжалуют или понизят в звании, ты думаешь, что в доме мужа тебе будет хорошо?!

Гу Шэн также молча села и спокойно сказала:

— Мама, успокойся, я не сошла с ума. Я просто говорю, что если, если я выйду замуж за человека, который очень сильно любит меня, он не будет обращать внимания на моё скромное происхождение и репутацию моих родителей, всегда будет верен мне, вот если бы так, ты бы ушла от отца?

Госпожа Янь опустила глаза и после долгой паузы вздохнула:

— Конечно, я бы с радостью...

— Но, глупая девочка, в этом мире нет таких чистых людей. Моя жизнь уже такая, какая она есть, хуже не будет, и я не должна тебя больше обременять. Перестань думать об этом, ложись спать.

«Как это не будет хуже?!» Гу Шэн вспомнила, что через четыре года госпожа Янь будет отравлена наложницей Шэнь, заболеет чумой и умрёт в муках. Сердце её сжалось от боли!

Гу Шэн покраснела, обняла шею матери и дрожащим голосом сказала:

— Хорошо, тогда договорились, если я найду такого человека, ты сразу же напишешь письмо о разводе!

Госпожа Янь, слёзы блестели в её глазах, после долгого молчания, не в силах разрушить мечты дочери, дрожащим голосом ответила:

— Хорошо... Хорошо, я согласна.

Гу Шэн, слёзы на глазах, отпустила мать, и они снова легли.

Мать и дочь некоторое время не могли сдержать рыданий, Гу Шэн, переполненная эмоциями, не удержалась и призналась:

— Мама, не волнуйся, наши тяжёлые дни скоро закончатся. Этот преданный человек, о котором я говорила, уже нашёлся.

Госпожа Янь удивилась, слёзы остановились, и она не смогла удержаться, чтобы не ущипнуть щёку дочери, сердито сказав:

— Глупая девочка, о чём ты думаешь? Ты ещё так молода! Уже думаешь о мужчинах? Если кто-то услышит, тебе не будет стыдно!

Гу Шэн покраснела и молча закрыла рот.

После короткой паузы госпожа Янь всё же не удержалась и, смущённо, спросила:

— Ты в Императорской академии кого-то заметила? Он уже взрослый? Виконт или маркиз?

Гу Шэн про себя ответила: «Не мужчина, ему девятнадцать, и он... императорский аристократ!»

Но, боясь, что это снова заставит госпожу Янь вскочить с кровати, она промямлила:

— Да, он тоже учится в академии, уже взрослый...

Госпожа Янь, видя, что дочь уклоняется от ответа, предположила, что он, вероятно, тоже виконт, и дочь стесняется сказать, поэтому мягко улыбнулась:

— Лучше, чтобы вы были равны. Даже если ты выйдешь замуж за простолюдина, если он будет предан тебе и будет стремиться к успеху, я не буду против.

Гу Шэн заёрзала, смущённо сказав:

— Мама, мы, возможно, не совсем равны...

Госпожа Янь нахмурилась, чтобы попасть в Императорскую академию, нужно быть хотя бы виконтом, неужели...

— Что! — Госпожа Янь широко раскрыла глаза, удивлённо сказала. — Неужели из дома герцога? Это невозможно! Аристократы из дома герцога часто берут наложниц, даже если сейчас он хорошо к тебе относится, кто знает, что будет в будущем!

Гу Шэн поспешила успокоить:

— Нет... нет, мама, не волнуйся, не герцог.

Госпожа Янь вздохнула с облегчением.

— Это императорский аристократ... — Гу Шэн смущённо бросила бомбу.

Госпожа Янь вскочила с кровати:

— Что!

Как ей не волноваться! Герцоги берут наложниц, это обычное дело, но если речь идёт об императорском аристократе, то не брать наложниц — это ненормально!

Гу Шэн снова встала, успокаивая мать:

— Мама, не думайте, что я опускаюсь, он не посмеет меня обидеть. Отец, простой виконт, всё равно изменил, видите, зло не зависит от статуса.

Госпожа Янь чуть не рассмеялась, минуту назад эта глупая девочка говорила о том, что хочет найти преданного человека, а теперь утверждает, что влюбилась в императорского аристократа, разве это не смешно?

С древних времён императорские аристократы, не берущие наложниц, можно пересчитать по пальцам, исключая тех, у кого были физические недостатки, тех, кто погиб в борьбе за трон, прежде чем успел взять наложниц, и тех, у кого были странные предпочтения...

После всех исключений, тех, кто действительно был верен из-за любви, госпожа Янь не видела!

— Обычно ты такая умная, как же в таком важном вопросе, как твоя судьба, ты можешь быть такой глупой? — Серdito смотрела госпожа Янь на Гу Шэн.

Гу Шэн смущённо пробормотала:

— Ладно, мама, если вы не верите, не будем об этом говорить, давайте спать, завтра мне нужно в академию.

— Как можно не говорить? — Госпожа Янь серьёзно посмотрела на Гу Шэн, её глаза сверкнули, и она удивлённо сказала. — Ты ведь не влюбилась в того сверхрангового императорского аристократа? Ты действительно собираешься последовать примеру императрицы, которая была спутницей в учении у императора? Император тогда был уже взрослым, а императрица была ещё ребёнком, разве ты можешь сравниться с ними? Этот императорский аристократ ещё совсем юн!

Гу Шэн сразу же возмутилась:

— Мама, о чём вы говорите! Не Девятое высочество!

— Тогда кто же это? — Госпожа Янь настаивала.

Гу Шэн вздохнула, лёжа на кровати, с лёгкой гордостью сказала:

— Если я скажу, вы всё равно не знаете. Через некоторое время, пусть она сама придёт к вам.

Эти слова заставили госпожу Янь провести беспокойную ночь, закрывая глаза, она видела, как её дочь соревнуется с другими аристократами за внимание...

***

После осенних экзаменов Девятое высочество после учёбы должна была присоединиться к другим императорским аристократам в Чертоге Вращения Духа, чтобы помочь отцу просматривать доклады.

Императорские фонари ярко освещали просторный зал, делая его похожим на день.

Позади императорского стола на севере висела золотая табличка с чёрными иероглифами, на которой было написано: «Справедливость, доброта и гармония».

По обеим сторонам императорского трона стояли аккуратные книжные полки, в восточном углу располагались треножник и восьмиугольная курильница, из которых поднимался приятный аромат.

Южнее стояли столы и стулья для императорских аристократов, изначально с двух сторон, по два стола, для первого принца, второй принцессы, пятого принца и седьмого принца.

Сегодня специально для Девятого высочества добавили новый стол из грушевого дерева.

В отличие от других столов, заваленных докладами, перед Девятым высочеством лежало всего около десятка докладов, и все они были простыми приветственными посланиями, более скучными, чем сказки драгоценной наложницы Ю перед сном.

Поэтому, прочитав три доклада, Девятое высочество, как и ожидалось, опустила голову на стол и заснула.

Седьмой принц, сидевший ближе всех, первым заметил, что «девятый пал».

Он украдкой взглянул на отца, сидящего за императорским столом, и, дрожа от страха, оторвал кусок чистой бумаги, скомкал его и бросил в нерадивую сестру...

Девятое высочество продолжала мирно спать.

Клубок бумаги в руках седьмого принца становился всё больше, и, наконец, его действия привлекли внимание пятого принца, сидевшего напротив.

Пятый принц поднял голову от докладов и, сонно, посмотрел на противоположную сторону...

Девятое высочество мирно посапывала.

Пятый принц промолчал.

Обнаружив «критическую ситуацию», пятый принц также украдкой взглянул на императора Цию, и, убедившись, что тот ещё не заметил, сглотнул и посмотрел на сестру...

На расстоянии двух чжанов пятый принц начал дуть на Девятое высочество!

В совместных усилиях двух молодых принцев Девятое высочество... всё ещё не двигалась.

В этот момент император Цию, нахмурившись, посмотрел на доклад в руках, глубоко вздохнул и сказал слуге:

— Подайте ещё чая и закусок.

Слуга сразу же выполнил приказ.

Услышав слова «чай и закуски», Девятое высочество вздрогнула и, ошеломлённо, подняла голову, оглядываясь.

Оба принца одновременно вздохнули с облегчением.

Когда служанки поставили чай и закуски на столы каждого императорского аристократа, император Цию передал доклад слуге и сказал:

— Прочти.

Первый принц и Цзян Хань сразу же напряглись, предполагая, что отец столкнулся с трудной проблемой, и это был их шанс проявить себя.

Но когда слуга закончил читать доклад, никто не осмелился заговорить первым.

Это был доклад министра войны Чэнь Тиня, в котором он обвинял генерала Се Яньфэя, командующего южными войсками, в фальсификации борьбы с пиратами, в сговоре с ними, в получении трёхлетнего жалования от двора, в задержке отправки войск и даже в совместных действиях с пиратами, угнетая жителей границы.